

Крыленко Николай Васильевич

**Обвинительные речи по наиболее
крупным политическим
процессам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам / Крыленко Николай
Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 610 с.

ISBN 978-5-519-91323-2

ISBN 978-5-519-91323-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

ПРОТИВ

ДЕЯТЕЛЕЙ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

1918—1925

ДЕЛО ПРОВОКАТОРА ОКЛАДСКОГО

Обвинение, предъявленное Окладскому, в резолютивной части обвинительного заключения сформулировано следующим образом:

«Окладский Иван Федорович, он же Иванов, он же Александров, он же Петровский, 65 лет, происходящий из крестьян деревни Оклад, Ново-Ржевского уезда, Псковской губернии, жепатый, окончивший два класса городского училища, по профессии электромеханик, служивший до ареста на заводе «Красная заря» в должности механика для лабораторных изысканий, бывший член террористической организации партии «Народная воля», привлекавшийся по политическим делам к ответственности и судившийся в 1880 году Петербургским военно-окружным судом по процессу «шестнадцати», коим, признанный виновным в покушении на жизнь Александра II, произведенном под городом Александровском, приговорен был к смертной казни через повешение, замененной бессрочными каторжными работами, ссылкой на поселение в Восточную Сибирь, ссылкой на поселение в местности Закавказского края и в 1891 году освобожденный от дальнейшего наказания с возведением в звание сначала личного, а затем потомственного почетного гражданина, ныне к партии не принадлежащий,— обвиняется в том, что, приняв в конце семидесятых годов активное участие в террористической борьбе с самодержавием, будучи близок, в силу оказанного ему доверия, к членам партии «Народная воля», составлявшим ее Исполнительный комитет, выдал после состоявшегося суда над ним подлежащим властям виднейших деятелей революционного движения той эпохи, после чего, поступив в 1883 году на государственную службу бывшего царского русского правительства на должность негласного сотрудника сначала Тифлисского губернского жандармского управления, а затем Департамента полиции, пребывая в означенной должности вплоть до Февральской революции, оказал, по неоднократному свидетельству означенного правительства, неоценимые услуги в борьбе его с революционным движением в России.

Преступления эти предусмотрены ст. 67 Уголовного кодекса, вследствие чего, а также на основании ст. 449 п. 1 Уголовно-процессуального кодекса названный Окладский подлежит суду Уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР».

Дело Окладского слушалось в Верховном суде РСФСР в Москве с 10 по 14 января 1925 г.

Товарищи судьи! Я думаю, что одним из самых основных по своему историческому значению моментов настоящего процесса был момент, когда перед нами давала свое показание Якимова-Баска. Я думаю, что этот момент является центральным уже потому, что в нем, как в фокусе, отразились три по существу момента.

Один — это апофеоз «Народной воли». Мы с вами видели картину величайшего удовлетворения, которое может быть дано человеку, когда он сорок лет спустя увидел торжество дела, за которое он отдал жизнь. Этот момент был отражен тогда, когда здесь, в зале пролетарского суда, перед лицом рабочих и крестьян нашего Советского союза давал показания человек, который своими руками и своей жизнью заложил начало движению, приведшему, в конце концов, к торжеству революции и гибели царизма, — этот момент нашел свое отражение в факте дачи здесь показаний Якимовой. Это было торжество «Народной воли» в лице ее ветеранов.

Второе, что отразил этот момент, — это наше торжество, торжество нашей революции, наш апофеоз, поскольку освободившая страну революция — это наше дело, дело масс рабочих, — это дело русского пролетариата, ибо это он, и только он дал возможность старым ветеранам, основоположникам революционного движения прийти сюда, здесь видеть торжество дела, за которое они отдали свою жизнь, и видеть осуществление его в реальности здесь, в центре нашей страны, в Москве, где еще так недавно, всего семь лет тому назад, господствовал царизм.

В этих двух моментах, которые сосредоточены в этом факте дачи показаний народовольцами, для меня осуществляется все грандиозное историческое значение настоящего процесса, и, вместе с тем, в этом же факте нашел свое отражение третий момент — максимальное выражение третьего слагаемого, которое нас с вами сюда привело, максимально выраженное предательство, концентрированно выраженная человеческая подлость. С одной стороны — люди, которые сорок лет тому назад отдавали

свою жизнь за дело освобождения рабочих, с другой стороны — деятели и представители широких масс рабочего класса, совершивших революцию и открывших новую эпоху в истории и новый путь освобождения мирового пролетариата и, с третьей стороны, как объект нашего с вами суда, — Окладский, бывший раньше тут (указывает на народовольцев), ушедший к царизму и здесь ныне представший одновременно как обвиняемый обеими сторонами.

Вот существо, вот корень, вот основное зерно, вот содержание сегодняшнего процесса. И поэтому, быть может, с такой тщательностью, с таким детализированием обращали мы здесь внимание на каждую мелочь этого процесса, ибо здесь каждое только в строку, здесь каждая запятая имеет свое значение, здесь каждая мелочь будет занесена на исторические скрижали, и на нас с вами лежит обязанность отвести каждой мелочи надлежащее место.

Вот почему мы должны были так упорно копаться в этой автобиографии Окладского. Казалось бы, с точки зрения признаков 67 статьи, казалось бы, с точки зрения задач нашего с вами суда, вопрос о виновности и невиновности Окладского, о мерах, которые в отношении к нему надо предпринять, — он ясен, и нечего об этом говорить. Для нас достаточно одного из тех бесчисленных документов, которые имеются в портфеле нашего суда по этому делу, чтобы ответить:

«Окладскому в дальнейшем места среди нас нет, Окладский должен быть уничтожен, с Окладским счеты покончены».

И, тем не менее, мы с таким вниманием отдали почти три дня для разбора деталей его автобиографии. Зачем? Нам важно здесь отметить, исследовать и выпукло выявить и историческое значение процесса и его историографическое значение. Нам важно здесь отметить эти мелочи с тем, чтобы впоследствии, когда придется еще более детализировать и восстанавливать историю революционной борьбы, этот документ, именуемый автобиографией Окладского, также не ввел кого-нибудь в заблуждение. Нам слишком дороги отдельные эпизоды этой борьбы, и поэтому мы должны были потратить на разоблачение Окладского известные силы и время.

Наконец, нам важно и психологическое воспитательное значение процесса. Мы должны были узнать, как, какими путями могли совершиться подобные коренные психологические перемены и где ключ к пониманию такой мерзости человека, представителем которой является в настоящее время он, Окладский, чтобы в назидание и в поучение молодым борцам революции учесть и этот объективный урок, который дала нам история.

Вот почему, несмотря на всю ясность этого дела, я принужден останавливаться, равным образом, и на так называемой уликовой стороне. И еще по одному соображению я должен это сделать. Общественному обвинителю т. Кону было легко в этом отношении, широкими штрихами и мазками рисуя перед вами

общую картину, не останавливаясь на этих деталях и мелочах. Я, как представитель государственного обвинения, этого себе позволить не могу и должен вникать во все эти мелочи. Я должен выявить их (я вижу, как записывает мои слова защита), я должен вникнуть в них, потому что в предыдущих схватках, в отдельных репликах, которые имели место на протяжении судебного следствия между защитой и мной, уже приходилось анализировать все мелочи. И если мы могли позволить свидетелям говорить с известной свободой как лицам, не являющимся функциональными элементами суда, то с тем большей строгостью требование объективной достоверности в своих выводах считаю необходимым предъявить к себе как государственному обвинителю.

Товарищи, прежде всего вы помните, что во всем том периоде деятельности Окладского, который мы рассматривали от момента его вступления в революционную среду и до момента, когда он вступил уже непосредственно в среду террористов, до периода, когда он начал заниматься подготовлением взрыва под Александровском, я выделил только три пункта и на них фиксировал ваше внимание. Это были пункты, когда он подвергался опасности ареста и когда он счастливо этого ареста избежал. Эти пункты были нужны мне для особой цели. Эта цель была — обнаружить ценность его автобиографии как документа и отсюда установить некоторые характерные черты его личности.

Вы видели, что первым моментом, связанным с первым арестом, был тот, когда он на несколько дней был задержан в Петербурге как участник революционных собраний среди рабочих Семянниковского завода. Мы констатировали тогда при помощи экспертизы практикуемый им метод добавлять в исторические объективно верные данные продукты своей фантазии. Это имело место тогда, когда он, как говорят, «накручивал» одно историческое имя на другое, чтобы показать и увеличить свой собственный удельный вес в революционной среде. Это стремление прикрасить, преувеличить, представить себя в этом отношении в более высокой роли, эта его беззастенчивость — вот первое, что мы установили для понимания всего того, на что способен Окладский. Это было установлено и из анализа уже первого периода его автобиографии.

Второй момент касался истории его счастливого побега в Туле в момент ареста Ольги Любатович. Я подвергал сомнению этот факт, ибо о нем ходили только слухи среди революционеров. Мне было странно, как мог человек ночью, выйдя из квартиры в одном белье, стоять затем в одном белье и смотреть в окошко, как производится обыск. Эта картина не вяжется с нашими представлениями о порядке производства обыска и введении обыскиваемых, тем более что Окладский в то время уже был революционером.

С тем большей тщательностью я останавлиюсь на событии с Гобстом, где можно считать безусловно установленным и из показаний свидетелей, и из оглашения документов жандармского

сводного отчета, и из обвинительного акта, и из показаний лиц, которые потом встречались с деятелями процесса Гобста, что все то, что написал и приписал себе Окладский, — ложь. Не было никакого выскакивания его из окна, никакой отмычки, вообще никакого его участия в этом деле, а отсюда, быть может, ложь и то, что он говорит о Судейкине, который стоял где-то на горе на колокольне и смотрел оттуда на квартиру Гобста, и, может быть, ложь, что Судейкин напомнил ему об этом в Петропавловской крепости, и, наконец, ложь, что сам Судейкин с ним разговаривал вообще в Петропавловской крепости.

В дополнение я позволю себе остановиться еще на двух моментах, на которые я не обращал внимания на судебном следствии, так как у меня не было под рукой объективных данных, чтобы подойти к этому эпизоду как к доказанной неправде. На основе же установленных фактов неправды я позволю себе подойти и к этим двум эпизодам. Один из них касается встречи с Валерьяном Осинским, другой касается встречи с Плехановым. Помните, как описывает Окладский встречу с Осинским, описывает его холеные руки, описывает золотое пенсне, описывает щегольской вид Осинского и его общий облик. Кто читал революционную литературу, у того невольно закрадывается тут мысль: где же я еще об этом читал или где я что-то об этом в таком же роде слышал, об этом золотом пенсне и об этих холеных руках? И я думаю, что, поскольку мы установили богатое знакомство Окладского с революционной литературой, постольку можно и этот эпизод встречи его с Осинским в определенной дозе отнести за счет фантазии Окладского. И в такой же мере в отношении Плеханова. Но у меня не было до сих пор возможности подойти к этим эпизодам иначе, как на основании построения по аналогии. Поэтому я не могу утверждать все это как достоверный тезис, как положение, я ставлю это как гипотезу постольку, поскольку, в конце концов, то или иное окончательное толкование этих фактов не играет особенной роли при подведении общих итогов.

Но совершенно иначе приходится подойти к моментам дальнейшей деятельности Окладского и, прежде всего, к основным, на которых мы должны будем остановиться. Они будут касаться взрыва под Александровском.

Что мы здесь установили? По представлению Окладского, по описанию Окладского, мы видим следующую картину: Якимова вместе с Желябовым живет под именем Черемисовой; на день-два приезжает кое-кто из других участников по подготовке этого взрыва. В центре же, в течение ряда ночей, под постоянной угрозой могущего произойти ареста, в условиях невозможных в смысле объективной обстановки, работают двое — Желябов и... он, Окладский, на котором лежит вся ответственность, вся техническая сторона дела. Он, Окладский, который исполнял и всю подготовительную работу, вплоть до выработки медных труб и наполнения их динамитом.

А что мы установили в результате судебного следствия? Мы установили, во-первых, что им были сделаны только трубы. Наполнение динамитом имело место после и не непосредственно в Харькове. Во-вторых, что участниками дела были далеко не только он один, Окладский, а и Ширяев, и Исаев, и Тихонов, и Терка, и Кибальчич, люди, которые и вели и контролировали всю работу. Дальше. Вся работа по прокладке труб и непосредственная их подкладка под рельсы была исполнена в течение двух ночей. Работа же, которая исполнялась длительным образом, была либо работой по разведке, либо по прокладке. Правда, и эта работа тяжелая, но все же это совсем не то, о чем говорил Окладский, ибо проложить провод в овраге ночью, по заранее намеченной линии — это одно, и другое — работать в канаве по введению под полотно наполненных динамитом труб, работать в течение многих ночей, под дождем и под снегом, под угрозой ареста со стороны проходящих мимо и охраняющих полотно сторожей.

Эти факты показывают, что Окладский далеко не играл такой основной роли в этом покушении, и они являются не мало-важными для установления той же черты в его автобиографии. Они говорят, что этот человек, чтобы добиться эффекта, не останавливается перед полным извращением фактов, не останавливается перед ложью, и верить поэтому всему, что он о себе говорит, — нельзя.

Я останавлиюсь в этом же эпизоде на вопросе о запалах и обрыве проводов. Я не буду так далеко идти, как идет т. Кон, я не буду утверждать, хотя такая возможность, конечно, не исключена, что Окладским был сознательно не доведен провод или сознательно предприняты какие-нибудь шаги к тому, чтобы взрыв не состоялся. Я думаю, что если бы этот факт имел место, Окладский не преминул бы о нем сообщить жандармам, а жандармы — царю, когда спрашивали для него почетное гражданство. Я думаю, этого рода предположениям можно противопоставить не менее объективные, опровергающие их, положения, и с этой точки зрения нельзя здесь утверждать, по крайней мере, мне, как представителю государственного обвинения, что такой факт был. Он мог быть, но что он был, я говорить не буду. Но не в этом суть всего вопроса о запалах. Суть в том, что разноречивые показания относительно причины, почему не последовал взрыв, характеризуют для меня только одно обстоятельство, а именно следующее: что и здесь сказался опять-таки Окладский. Сначала он сказал, что провода были прямо перерезаны лопатой или, как он говорит, произошел обрыв, несомненно, от удара лопатой.

А что он говорил на суде? Что взрыв не произошел потому, что были испорчены запалы; защитнику Оцепу он говорил, что провода не были перерезаны окончательно, они были надломлены, болтались, что лишь, может быть, они были надрезаны. Одним словом, обе причины могли действовать сразу. Что это значит? Одно из двух. Или Окладский до сих пор не знает, по-

чему не произошло взрыва, как он не знал в тот момент, как осталось это невыясненным и до сих пор, и возможно, что в этом отношении прав Ширяев, который говорит, что взрыва не произошло потому, что все дело было поручено невежественным в этом отношении людям. Или отсюда вытекает, что Окладский и здесь, полагая, что сейчас он может совершенно спокойно сочинять, сочинил новый момент в целях спасения своей жизни.

Вот что важно в этом эпизоде, что нужно подчеркнуть для того, чтобы понять основную причину, приведшую Окладского к предательству. Окладский никогда не останавливался перед ложью, перед прямым извращением фактов.

Следующий момент — взрыв Каменного моста в Петрограде.

Что мы имеем тут? Мы здесь устанавливаем две версии. «Я говорил с Желябовым», «Желябов говорил мне о том, что нужно устроить новый подкоп», — говорит Окладский. «Не стоит, — отвечает он Желябову, — устроим лучше взрыв моста». — «Купили лодку, выбрали место, распределили роли». «Я должен был добыть провода. Я должен был их опустить, укрепить» и т. д. Так говорит Окладский.

Что же мы установили целым рядом документов, богатым количеством показаний других лиц? Установили, что было некое собрание в каком-то трактире, на котором участвовали такие-то, такие-то, такие-то и такие-то. Все, кроме Окладского, ибо Окладский тогда был уже арестован. На этом собрании было решено произвести этого рода покушение. Тогда были предприняты меры, опущены гуттаперчевые подушки, укреплены провода. Об Окладском ни слова. Меркулов говорит только, что однажды, катаясь в лодке, он слышал, как Желябов и некоторые другие разговаривали о возможности такого проекта. В начале лета, катаясь в лодке.

Что это значит? Это значит, что проекты могли, конечно, и возникать, но, по показанию Якимовой, они встали как реальность лишь после того, как она приехала из Одессы после неудачного подкопа на Итальянской улице. Мог ли в таком случае быть поднят подобный разговор и в смысле точного распределения ролей и планомерной подготовки покушения?

У Окладского с Желябовым? Нет, не мог быть. И тогда я поставил вопрос: так, может быть, это была примерная беседа?

Окладский согласился. Да, это была только примерная беседа.

И когда я спросил: «Ну, а лодка все-таки уже была куплена?» — тут он не мог уже сказать, что нет, так как раньше говорил о том, что лодка была специально куплена. И он сказал: «Лодка была куплена». Назад ему было нельзя идти. Лодка была куплена. От этого отказаться было трудно, и здесь ложь должна была остаться ложью. Окладский и тут нам нагнал.

И четвертое, что мы установили на судебном следствии, — это измышление Окладским фантастического факта, что после взрыва, произведенного в Зимнем дворце, когда Халтурину нужно

было скрываться во что бы то ни стало и сидеть тихо, как мышь. Халтурин и Желябов вместе с Окладским якобы гуляли по улицам Петербурга и разговаривали после взрыва о новых террористических проектах.

Одной этой фантазии достаточно, чтобы определить степень достоверности всех вообще показаний Окладского. Ее можно объяснить только спекуляцией Окладского на невежестве здесь присутствующих, в расчете, что они поверят такому фантастическому вымыслу.

Это все черточки, необходимые, как я говорил, для того, чтобы охарактеризовать Окладского и дать оценку его автобиографии.

Я не подвергаю пока анализу других фактов, хотя их полезно было бы проанализировать.

Возьмем хотя бы расстрел квартиры на Жилинской улице в Киеве; он известен в литературе. Вероятно, достаточно знаком всем. Он мог быть знаком по литературе и Окладскому, но был ли там Окладский, как он это утверждает, — вот что для меня важно было бы проверить.

Позвольте этим ограничить эту полосу оценки автобиографических сообщений Окладского и перейти непосредственно к объекту наших дальнейших исследований, к моменту ареста Окладского.

Прав был т. Кон, когда он указал на в высшей степени знаменательный, значение имеющий для нашего процесса момент его второго разговора с Плеве. Товарищи могли видеть, с каким вниманием исследовался этот момент на судебном следствии. Государственное обвинение придает серьезное значение ему. Здесь мы искали ключ, который помог бы раскрыть момент предательства. Прав опять-таки т. Кон, когда он говорит, что даже документы, представленные П. Е. Щеголевым, не исключают возможности наступления предательства именно в этот момент, ибо то, что Комаров об этом не говорит в своем докладе, не означает того, что Комаров должен был об этом знать или что Комаров должен был бы, если бы знал, именно в этом документе об этом писать. Таких выводов сделать нельзя, и факт наличия этого документа не опровергает гипотезы т. Кона. Между тем, самый факт его беседы, показания об этой беседе, которые дал Окладский дважды, — один раз в своей автобиографии и второй раз в своих показаниях здесь на суде, в связи с анализом обстоятельств этого дела, — позволяют нам установить только одно: беседа имела место на политическую тему и должна была закончиться постановкой того вопроса, который вытекал из всех теоретических предпосылок Плеве, — предложением работать в охранке.

Окладский пишет, что Плеве отослал его обратно в крепость, обозвав «фанатиком», что Плеве рассердился при этом и топал ногами. Это тоже характерное показание. Оно могло вырваться у Плеве в результате неудачи его попыток, когда человек бил-